

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.11902

EDN: JLUAYD

Криптопоэтика романа В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта»

С. А. Кибальник

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: kibalnik007@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена криптопоэтика первого англоязычного романа В. В. Набокова “The Real Life of Sebastian Knight” («Подлинная жизнь Себастьяна Найта») (1938–1939). Показано, что этот роман представляет собой любопытный пример криптопоэтики писателя, в которой оказались затушеваны и кардинально преобразованы многие конкретные обстоятельства его личной жизни. Особую роль в криптопоэтике романа играет аллюзивная шахматная символика, о которой не раз писали, но смысл которой оставался непонятным. Ключом к этому смыслу оказывается глубоко закамouflированный автобиографический подтекст «Подлинной жизни...». Написанный вскоре после серьезного увлечения Набокова Ириной Гуаданини, роман выстроен таким образом, чтобы показать: единственной настоящей любовью Себастьяна Найта была Клэр Бишоп, а мадам Лесерф (Нина Туровец-Речная) была всего лишь эпизодом в его жизни. В унисон этому организована и шахматная тайнопись романа, в которой ферзь (мадам Лесерф) оказывается побежден слонем (Клэр Бишоп). Между тем фамилия героини романа «Bishop» аллюзивно отсылает к жене писателя Вере Слоним. Таким образом, для понимания текста важна не только крипто-, но и психопоэтика романа.

Ключевые слова: В. Набоков, роман, Подлинная жизнь Себастьяна Найта, криптопоэтика, шахматная символика, криптоним, автобиографизм

Для цитирования: Кибальник С. А. Криптопоэтика романа В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 1. С. 217–235. DOI: 10.15393/j9.art.2023.11902. EDN: JLUAYD

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.11902

EDN: JLUAYD

Crypto poetics of V. Nabokov's Novel "The Real Life of Sebastian Knight"

Sergey A. Kibalnik

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),

Russian Academy of Sciences

(St. Petersburg, Russian Federation)

e-mail: kibalnik007@mail.ru

Abstract. The article examines the crypto poetics of V. V. Nabokov's first English-language novel "The Real Life of Sebastian Knight" (1938–1939). It demonstrates that this novel is a curious example of the writer's crypto poetics, in which many specific circumstances of his personal life were obscured and radically transformed. A special role in the crypto poetics of the novel is played by the allusive chess symbolism, which has been discussed more than once, but the meaning of which remained unclear. The key to this meaning turns out to be the deeply camouflaged autobiographical subtext of "The Real Life...". Written shortly after Nabokov's profound infatuation with Irina Guadanini, this novel is structured this way to show that Sebastian Knight's only true love was Claire Bishop, and Madame Lecerf (Nina Toorovetz-Rechnoy) was just an episode in his life. The chess mystery of the novel, in which the queen (Madame Lecerf) is defeated by the bishop (Claire Bishop), is set up in unison with this motif. Meanwhile, the surname of the heroine of the novel "Bishop" allusively refers to the writer's wife Vera Slonim. Thus, not only the crypto-, but also the psychopoetics of the novel is important for understanding the text.

Keywords: V. Nabokov, novel, The Real Life of Sebastian Knight, crypto poetics, the chess symbolism, cryptonym, autobiography

For citation: Kibalnik S. A. Crypto poetics of V. Nabokov's Novel "The Real Life of Sebastian Knight". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 217–235. DOI: 10.15393/j9.art.2023.11902. EDN: JLUAYD (In Russ.)

Роман В. В. Набокова "The Real Life of Sebastian Knight" («Подлинная жизнь Себастьяна Найта») под избранным нами углом зрения интересен сразу в нескольких отношениях. Во-первых, в рассказе об одном из романов Себастьяна Найта приводится конкретный пример криптопоэтики этого героя-писателя. Во-вторых, роман содержит размышления В. о криптопоэтике Себастьяна, в которой, разумеется, звучат собственные

откровения Набокова об этой стороне его творчества. Наконец, в-третьих, сам этот роман представляет собой любопытный образец криптопоэтики самого Набокова, в которой оказались затушеваны и кардинально преображены многие конкретные обстоятельства его личной жизни, причем особую роль в ней играет скрытая шахматная символика романа.

1

Что касается первого аспекта, то прежде всего он намечен в характеристике, данной В. роману Себастьяна «Утерянные вещи»:

«И я не возьмусь назвать другого писателя, искусство которого **способно так заморочить, — заморочить меня, стремящегося высмотреть за писателем живого человека.** Трудно различить свет личной истины в неуловимом мерцании выдуманного мира, но еще труднее постичь поразительный факт — человек, пишущий о том, что он взаправду испытывает в минуту писания, находит в себе силы, чтобы одновременно создать — и как раз из того, что гнетет его душу, — вымышленный и слегка нелепый характер»¹ (здесь и далее выделено мной. — С. К.).

Конкретный пример претворения в жизнь такой криптопоэтики Себастьяна В. сопровождается следующим замечанием:

«Я верю, что если отвлечься в этом вымышленном письме от всего, относящегося до личности его подразумеваемого автора, то окажется, что многое в нем прочувствовано Себастьяном или даже написано им к Клэр. Была у него причудливая привычка **наделять даже самых гротескных своих персонажей какой-то идеей, впечатлением или желанием — из тех, которыми он тешился сам.** Письмо его героя было, возможно, шифром, прибегнув к которому он высказал несколько истин о своих отношениях с Клэр» (Набоков: 116)².

¹ Набоков В. Подлинная жизнь Себастьяна Найта / пер. С. Ильина; коммент. А. Люксембурга // Набоков В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 1. С. 116–117. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Набоков* и указанием страницы в круглых скобках.

² Набоков был принципиальным противником «выдуманных книг». Как говорит герой-рассказчик «Весны в Фиальте»: «...будь я литератором, лишь сердцу своему позволял бы иметь воображение, да еще, пожалуй, допускал бы память, эту длинную вечернюю тень истины, но рассудка

Речь здесь идет о письме, найденном среди «останков мешка с воздушной почтой», «разбросанных по полю» в результате «крушения самолета»: «...последний конверт адресован торговой фирме, но содержит неверное письмо, любовное» (Набоков: 114). И далее следует прощальное письмо Себастьяна к Клэр, в котором он признается в том, что «не перестал любить» ее, но предлагает «расстаться» (Набоков: 115). В качестве причины Себастьян называет появление в его жизни «другой женщины» (Набоков: 115).

Хотя, по его собственным словам, он «отчаянно несчастлив» с этой «другой», Себастьян предлагает Клэр расстаться навсегда:

«Прощай. Уходи, уходи. Не пиши. Выйди за Чарли или за другого хорошего человека с трубкой в зубах. Забудь меня нынче, но помни потом, когда забудется горчайшая часть» (Набоков: 116).

Судя по упоминанию в конце «осла Мортимера» и тому, что «третье» из найденных писем «адресовано женщине, но начинается словами: "Дорогой Мортимер...".», — автор этого письма ошибочно вложил свое личное, «любовное» послание к Клэр в «конверт», адресованный «торговой фирме» (Набоков: 114).

В смысловой структуре романа Набокова этому письму принадлежит существенная роль. Именно оно отвечает на важный вопрос: почему Себастьян порывает с Клэр? Из-за своего увлечения этой «другой», русской женщиной, или потому, что знает о своей скорой смерти?

Ответ на этот вопрос первым из предложенных способов превращает роман в банальный рассказ о встрече с «роковой женщиной», которая разрушает былое личное счастье героя. Ответ на этот вопрос вторым из предложенных способов превращает роман в повествование о высокой любви.

Как же обстоит дело на самом деле? То, как рассказано об этом в романе, оставляет как будто бы возможность для разных толкований. Впрочем, обращает на себя внимание, что, когда еще «в один из летних дней 1926 года» (Набоков: 94) на «морском немецком курорте» Клэр почувствовала «в его повадке» что-то «не вполне натуральное», Найт признался ей:

ни за что не возил бы по маскарадам» (Набоков В. Весна в Фиальте // Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. С. 312).

«У меня чертовски разболелась грудь и рука...» (Набоков: 96).
Далее следует авторская ремарка:

«Думаю, Себастьян знал уже, какой сердечной болезнью он страдает. Его мать скончалась от того же недуга — довольно редкой разновидности грудной жабы, некоторыми докторами называемой "болезнью Лемана"» (Набоков: 96).

Ни о какой «другой женщине» здесь нет еще и помина.

Встреча Себастьяна с «мадам де Речной», по-видимому, произошла уже в 1929 г., когда он один отбыл на лечение в Блауберг, а затем, прервав его, уехал на неделю в Париж. Именно после этого, возвратившись в Лондон, Себастьян, по словам Клэр, «обезумел», «перестал» с ней «разговаривать», «получал русские письма от женщины, которую встретил в Блауберге» и, наконец, в сентябре 1929 г. «опять оставил Англию и отсутствовал вплоть до января следующего года» (Набоков: 113–114), после чего произошел его окончательный разрыв с Клэр. Сразу после этого и приводится его прощальное письмо к Клэр, причудливым образом оказавшееся письмом героя Себастьяна, помещенным в его роман.

Судя по тому, что за этим последовало, данное письмо имеет в романе ключевой характер: оно свидетельствует о том, что Найт не перестал любить Клэр, а только решил избавить ее от совместного существования с ним в немногие оставшиеся ему годы болезни, неминуемо и скоро ведущей к смерти.

В этом нас убеждают, в частности, размышления на сей счет В., который, отвечая для себя на вопрос, мог ли Себастьян увлечься мадам де Речной, полагает так:

«Женщина такого пошиба начала бы действовать ему на нервы незамедлительно. Ибо к чему свелась бы ее разговоры, когда бы она и впрямь ухитрилась познакомиться в отеле "Бомон" с тихим, несходчивым и рассеянным англичанином? Разумеется, после первого же изложения ею своих воззрений он стал бы ее избегать. Я знаю, он говорил, что у вертлявых девиц неповоротливые мозги и что ничего нет скучнее хорошенькой женщины, обожающей повеселиться; и даже больше: если толком приглядеться к самой прелестной девушке, когда она пахтает сливки банальности, непременно отыщешь в ее красоте какой-то мелкий изъян, отвечающий складу ее мышления. <...> Его могла позабавить

молоденькая потаскушка, мирно наливающаяся пивком, но *grande cocotte* с намеком на пристрастие к бхангу он бы не вытерпел» (*Набоков*: 145).

Познакомившись с мадам де Речной, которая предстала перед ним уже под именем мадам Лесерф, В. по-прежнему не может понять, «чем могла такая женщина увлечь» его брата (*Набоков*: 156). Размышляя затем об обеих из двух оставшихся кандидаток на роль роковой «русской женщины» Себастьяна: Нине Речной и Елене фон Граун (которые в действительности представляют собой одно лицо), — В. думает:

«Особенно выбирать между ними не приходилось. Нина пуста и пленительна, Елена — коварна и жестока; обе взбалмошны, и обе совсем не в моем вкусе — да и не в Себастьяновом, насколько я понимаю» (*Набоков*: 155).

Вспомним при этом, что В. обладает «внутренним пониманием» характера Себастьяна:

«...представляя его поступки, о которых мне довелось услышать лишь после его кончины, я наверное знал, что в том или в этом случае поступил бы в точности как он» (*Набоков*: 50–51).

Тем не менее В. едва не становится любовником мадам Лесерф, а Себастьян им, скорее всего, был. Впрочем, если и был, то таким же временным и случайным любовником, каким для *Mademoiselle Blanche* был Алексей Иванович в «Игроке» Достоевского. Гипертекстуальность романа Набокова по отношению к «Игроку» и, шире, к целой галерее русских и европейских произведений о любовных романах с куртизанками очевидна и несомненна³.

Когда действие переносится в загородное поместье мадам Лесерф, читателю сразу бросается в глаза это его дважды повторенное название «Леско»:

«...я просто уведомлял в нем, что буду гостить у ее подруги в *Леско*...», — писал В. в своем письме, посланном Элен фон Граун, а ниже сообщал: «Я выехал в девять утра, дабы попасть в *Леско* около полудня, как было условлено» (*Набоков*: 157).

³ См.: Nabokov V. *The Real Life of Sebastian Knight*. London: Penguin Books, 1941. P. 137.

Хотя в английском написании этого слова (“Lescaux”) есть небольшие отличия от французской фамилии известной литературной героини (“Lescaut”) — оно, разумеется, актуализирует интертекстуальные связи “The Real Life...” с романом аббата Прево «Манон Леско» [Люксембург: 568], герой которого, кавалер де Грие, шел на все ради своей страсти к куртизанке.

Прием, к которому прибегает здесь Набоков, также находит прямые параллели в романе Достоевского: один из героев «Игрока» Де-Грие носит имя главного героя романа Прево кавалера de Grioux. Последняя буква в названии поместья мадам Лесерф у Набокова может даже показаться отражением последней буквы в фамилии кавалера de Grioux из романа Прево, которая не произносится и потому, естественно, отсутствует в транслитерированном имени героя-француза у Достоевского. При этом аллюзия Набокова имеет, как это и вообще присуще прозе XX в., и в особенности его собственной прозе, более скрытый, криптографический характер.

При восприятии этого названия как указания на гипертекстуальность “The Real Life...” по отношению к «Манон Леско» между двумя этими произведениями сразу начинают ощущаться серьезные различия. У Прево речь шла о героине, искренне любящей кавалера де Грие и лишь по необходимости делящей его любовь с вниманием к ней ее содержателей. Современная Манон, то есть мадам Лесерф, всего лишь играет в любовь с Себастьяном (а впоследствии пытается делать это и с В.), от скуки и из любопытства. В свою очередь Себастьян, если и влюблен в нее, то отнюдь не готов идти ради своей любви до конца. А вообще-то, судя по всему, он заводит этот роман только потому, что смертельно болен и именно по этой причине — чтобы не ранить Клэр своей неминуемой скорой смертью — рвет с ней.

Получается, что эта гипертекстуальность имеет саркастический характер. Причем роман Набокова оказывается не менее саркастической репликой на роман Прево, чем «Игрок» был по отношению к «Манон Леско» и «Даме с камелиями». Ведь «Игрок», как и роман Александра Дюма-сына, представлял собой своего рода актуализацию сюжета Прево на период середины XIX в. В «Игроке» тоже есть Де-Грие — но не пылкий и страстный, а холодный и расчетливый. Соответственно,

М-ле Blanche отнюдь не любит Алексея Ивановича (как Маргерит Готье Армана Дюваля в нашумевшем романе Дюма-сына), а всего лишь помогает ему освободиться от выигранных им денег (см. подробнее: [Кибальник, 2013: 248–256]).

Так что название поместья «Леско» мы вправе воспринять как скрытую актуализацию интертекстуальных связей «Подлинной жизни...» не только с «Манон Леско», но и с «Игроком», «Дамой с камелиями» и даже «Травиатой» Дж. Верди — то есть с целым рядом произведений о роковой любви молодого героя к куртизанке, который породил роман Прево (см. об этом: [Кибальник, 2021]). И вначале она кажется вполне уместной, ведь любовь к мадам Лесерф, на первый взгляд, и стала для Себастьяна такой вот роковой страстью. «Она его угробила...» (Набоков: 121), — говорит в романе Набокова о русской возлюбленной Себастьяна Рой Карсуэлл.

Однако сам В. твердо сознает, что никак не мог бы полюбить такую женщину, как она. И окончательно склоняет весы в сторону именно такого понимания романа прощальное письмо к возлюбленной в романе Найта — то есть своего рода «тайнопись» романа Набокова⁴.

Почему Набоков прибегает в этом случае к криптографии?

2

Прежде чем ответить на этот вопрос, нам нужно обратиться к шахматным аллюзиям романа. «Правильно оценить позицию на доске книги», утверждал А. А. Долинин, читатель сможет лишь в том случае, если «сумеет расшифровать и остальные — иноязычные — шахматные намеки в романе: если будет знать, что две фамилии главной героини — Туровец и Лесерф — тоже отсылают к названиям фигур, но только русским, "туре" и "ферзь"...» [Долинин: 401]. Впрочем, большинство этих аллюзий довольно прозрачны, а вот другой, более серьезный

⁴ Существенное место в романе, как всегда у Набокова, занимает также криптопоэтика в виде языковой игры. Так, в словах из последнего письма Себастьяна к В.: «Когда-нибудь к тебе могут перейти кое-какие бумаги; сожги их не медля; правда, они слышали голоса в [одно или два неразборчивых слова: "Дот чету?"]; что ж, теперь им придется отвесть и костра» (176) — аллюзия Себастьяна на Жанну д'Арк, услышавшую «голоса» в ее родной деревне "Domremy", самим В. остается непонятой [Люксембург: 570].

вопрос: какой смысл имеет в романе вся эта аллюзивная шахматная символика — до сих пор по-настоящему даже не поставлен. Соответственно, никто из многочисленных исследователей этого романа на него и не ответил.

Правда, сам Набоков указывал, что, «если не считать неясных очертаний шахматной партии в одной главе, в книге нет никакого развития шахматной идеи»⁵. Опираясь на это признание писателя, некоторые исследователи полагают, что «шахматная тема — ложный след, сбивающий охотника с толку» [Барабтарло: 157]. Возможно, так оно и есть. Однако всегда ли в таких случаях стоит доверять авторам романа? Развитие шахматной символики в “The Real Life...” все же есть, и она весьма значима.

После того, как В. открывает для себя, что мадам Лесерф и есть одновременно Элен фон Граун и Нина Речная, он начинает называть ее Ниной:

«Вопрос, который я собирался задать **Нине**, так и остался невысказанным» (Набоков: 166).

Вопрос этот — «приходило ли ей когда-либо в голову, что человек с серым лицом, чье общество она находила таким утомительным, был одним из замечательнейших писателей своего времени» — кажется ему теперь бессмысленным:

«Я совершенно уверен, что Себастьян никогда не упоминал при ней о своей работе: это было то же, что толковать с летучей мышью о солнечных часах» (Набоков: 166).

Тем самым В. окончательно удостоверяется в том, что все, что говорил ему о своей первой жене Пал Палыч Речной, чистая правда: «...да вы ее в любом романе найдете, это же тип, тип» (Набоков: 143).

Выйдя замуж за господина Лесерфа, Нина Туровец-Речная сама произвела себя (если только не самозванно назвалась так при встрече с В.) из ладьи в «ферзя», «анаграмматически зашифрованного» в фамилии «мадам Лесерф», «если отбросить французский артикль “ле”» [Люксембург: 553]. Кстати, артикль “le” мужского рода, что, возможно, призвано дополнительно

⁵ Письмо В. Набокова Э. Вильсону от 21 октября 1941 г. Цит. по: [Барабтарло: 178].

подчеркнуть изначальную принадлежность этой фамилии господину Лесерфу, от которого ее, скорее всего, получила Нина Туровец.

Вдобавок мадам Лесерф изначально не «Королева»: в ее новой фамилии зашифрован «Ферзь», то есть название той же самой фигуры мужского, а не женского рода. Между тем в имени «Клэр», хотя фамилия ее и означает «Слон», заключена — во всяком случае по-русски — сокращенная анаграмма именно слова «**Королева**».

Мнимая француженка мадам Лесерф на деле оказывается, как бы она ни старалась это скрыть, русской — Ниной Туровец-Речной. Тем самым мнимая «королева» снова становится ладьей, какой она была изначально («турой», как именуется эта фигура в шахматной партии между Речным и Черным).

Партия этой героини в романе заканчивается, следовательно, тем, что она все же оказывается не самой главной фигурой в ней. И это еще раз — уже на языке шахматной криптографии романа — подтверждает, что отнюдь не она была главной любовью Себастьяна.

3

Все это заставляет читателя снова задуматься над партией, которую ранее Пал Палыч Речной разыграл с «**Черным**» (“Black”) — партией, которую сам Набоков упоминает в процитированном выше письме к Э. Вильсону.

В самом начале этой сцены Речной приглашает В. войти, «указывая **конем** на отворенную дверь». Возвращаясь к своей партии, он «хватил по столу **черным конем** (“the black knight”. — С. К.), и у **коня отлетела головка**. Черный аккуратно прикрутил ее на место» (*Набоков*: 139).

Этот момент игры, возможно, внутренне соотнесен с тем, что в романе, встретившись с бывшей женой Речного, «конь» (“knight”) Себастьян — как ранее сам Речной — потерял голову, и ему не так просто было оправиться от этого потрясения. Далее партия развивается так:

«— Я бы мог **взять твою туру** (“take your rook”. — С. К.), если бы захотел, — мрачно сказал Черный, — но у меня есть ход получше.

Он **приподнял ферзя** и бережно втиснул его в пригоршню пожелтых пешек, из коих одна изображалась наперстком.

Молниеносно двинув **слона**, Пал Палыч **ферзя снял** (“took the queen with his bishop”. — С. К.). После чего зашелся от смеха.

— Ну так, — спокойно сказал Черный, когда Белый (“White”. — С. К.) отсмеялся⁶, — вот ты и влип. **Шах**, голубчик» (*Набоков*: 140).

«Шах» — угроза королю, и, судя по словам Черного и дальнейшим фразам романа, мат королю «Белого» теперь не за горами. Взятие белого ферзя оказывается для него роковым.

Ранее Черный не хотел «взять» «туру» Белого. Если принять во внимание, что когда-то Нина поцеловала Черного (*Набоков*: 164, 141), тот, возможно, и в самом деле мог «взять», а, может быть, и «взял» жену Пал Палыча. Впрочем, фраза Черного, судя по всему, имеет скрытый смысл, вложенный в нее автором: имея такую возможность, он, скорее всего, все же этого не сделал.

Недаром, вместо того чтобы «взять» «туру», он устраивает из своего «ферзя» ловушку для Пал Палыча, в которую тот попадает. В сущности, именно это произошло и в реальной жизни Речного — с той только разницей, что «ловушку» из Нины Туровец ему устроил не Черный, а судьба.

Правда, ни один из героев не знает, что теперь у Нины фамилия «Лесерф», но автору-то это хорошо известно. Не зная о том, что Нина Туровец стала уже мадам Лесерф, то есть как бы превратилась из ладьи в ферзя, Пал Палыч берет «ферзя» Черного. То есть он снова берет Нину и снова попадает в ловушку, но теперь не в жизни, а в шахматах — ловушку, ведущую к поражению в шахматной партии. А она в свою очередь может рассматриваться как скрытый символ той ловушки судьбы, которой оказался для него брак с Ниной Туровец.

В том, что Речной берет ферзя Черного слонем, также можно усмотреть своеобразный символический смысл: «слон» (значение фамилии Клэр Бишоп), будучи не такой сильной фигурой, как «ферзь» (анаграмматическое значение фамилии

⁶ Здесь Набоков, скорее всего, называет героев по цветам их фигур. В то же время называние с самого начала двоюродного брата Речного «Черным», судя по всему, возникает по логике почти полной анаграммы, которая, однако, очевидна только в переводе на русский язык. Тем не менее это могло быть предусмотрено самим Набоковым.

«Лесерф»), все же побеждает его. В сущности, так и происходит в романе. Эта шахматная символика криптографически вновь знаменует, что главной фигурой в жизни Себастьяна была и осталась Клэр Бишоп.

Итак, читатель постепенно приходит к выводу, что Клэр до самого конца романа остается единственной настоящей любовью Себастьяна. «Есть лишь одно действительное число: единица» — эта мысль из его собственного романа недаром повторена в “The Real Life...” дважды (*Набоков*: 115, 109).

Не все, однако, так просто. Казалось бы, «слон» (Клэр Бишоп) побеждает «ферзя» (мадам Лесерф). Однако в действительности эта победа оказывается пирровой. В результате своего хода Пал Палыч не в состоянии уберечь короля. В романе этому, быть может, соответствует также то, что, хотя Себастьян по-прежнему любит Клэр, он оказывается в связи с мадам Лесерф и в конце концов погибает.

Между прочим, как известно, Себастьян умирает в «больнице Сен-Дамье». Давно замечено, что по-французски “damier” — это «шахматная доска» [*Люксембург*: 553]. Впервые название этого местечка мы находим в главке 17-й, в которой В. едет в поместье мадам Лесерф «Леско»:

«Я уже сядил в вагон, как вдруг меня поразила мысль, что дорогой я буду проезжать **Сен-Дамье, где умер и похоронен Себастьян**» (*Набоков*: 157).

Шахматная доска не случайно довольно четко представляется читателю и в главе, в которой играет партия между Речным и Черным, как бы символизирующая судьбу Себастьяна.

4

Шахматная символика в романе Набокова может обрести свой настоящий смысл, только будучи воспринятой во всей ее динамике и в соотношении с общим развитием центральной сюжетной линии романа. Недаром в «Алисе в Зазеркалье» (досл.: «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса» / “Through the Looking-Glass, and What Alice Found There”) Л. Кэрролла героиня скоро понимает секрет Зазеркалья:

«Весь этот мир — шахматы (если только, конечно, это можно назвать миром)! Это одна большая-пребольшая шахматная партия»⁷.

Как известно, Набоков сам перевел в 1922 г. эту книгу Л. Кэрролла. Своего рода шахматную партию, в которой принимает участие главная героиня, составляет лишь вторая книга Кэрролла об Алисе — “Through the Looking-Glass...”. К этой книге в первом англоязычном романе Набокова есть многочисленные отсылки (подробнее см.: [Мейер: 82]). И они также не случайны.

Аллюзивное соотнесение героев романа «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» с теми или иными шахматными фигурами, разумеется, генетически связано с тем обстоятельством, что на страницах этой второй книги Кэрролла шахматная партия разыгрывается открыто. При этом Алиса принимает в ней непосредственное участие. Вначале она становится в этой партии «Белой Королевской Пешкой», а в конце книги добирается «до восьмой линии» и становится **Королевой**, увенчанной «золотой короной» (Кэрролл: 205).

В самом же начале книги Алиса видит:

«А вон две **Туры** взялись под ручки и шепчутся о чем-то!» (Кэрролл: 133).

Затем Королева предсказывает ей:

«Значит, седьмая клетка вся заросла лесом, но ты не беспокойся. Там будет **Рыцарь на Коне**, который проведет тебя через лес» (Кэрролл: 143).

Далее ее пытаются взять в плен «**закованный в черные латы Рыцарь**» (“Knight dressed in crimson armour”), сидящий на «**Черном Коне**» (“Black Horse”) и «**Белый Рыцарь, сидящий на Белом, как снег, Коне**» (“White Knight”) (Кэрролл: 194).

Вот откуда, по-видимому, и пришла в роман фамилия героя «Подлинной жизни...» “Knight”, как известно, означающая одновременно и «рыцаря», и «коня».

⁷ Кэрролл Льюис. Алиса в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса / пер. Н. Демуровой. София: Издательство литературы на иностранных языках, 1967. С. 141. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Кэрролл* и указанием страницы в круглых скобках.

Еще более очевидным это становится, если учесть, что Белый Рыцарь в книге Кэрролла говорит Алисе:

«Я провожу тебя до опушки, а потом вернусь обратно — такой у меня ход!» (*Кэрролл*: 195).

То есть, скорее всего, у Рыцаря ход шахматного коня.

По аналогии с книгой Кэрролла можно сказать, что Нина «тура» пытается стать в романе в глазах Себастьяна, а затем и в глазах В. «Королевой» («ферзем»). Только у нее это так и не получается. Она остается для них обоих «турой» — фигурой, уступающей по силе единственной любви Себастьяна, — Клэр Бишоп (то есть «слону»), фигуре, более слабой и чем ладья, и чем ферзь.

К тому же по самой семантике своего имени Клэр — «Светлая», то есть, по всей вероятности, Белая Королева⁸. Или во всяком случае белый слон. В то время как Нина Речная, по всем приметам, если и Королева (пусть даже самозванно), то Черная: «...его последняя, **темная** любовь» (*Набоков*: 135). Причем «темная», разумеется, не только потому, что она брюнетка: «...маленькая, хрупкая, бледнолицая молодая дама с гладкими **тёмными** волосами» (*Набоков*: 146). Как выразилась вторая жена Пал Палыча Варвара Митрофанна, она просто «дурной сон после просмотра дурной фильма» (*Набоков*: 144).

Шахматная партия Пал Палыча с его двоюродным братом, в ходе которой первого, судя по всему, играющего белыми, В. называет «Белым», а второго, играющего черными, — «Черным» (*Набоков*: 140), в какой-то степени, возможно, внутренне соотносена с IX главой «Алисы в Зазеркалье» «Королева Алиса», в которой та оказывается в обществе Черной и Белой Королев.

5

Как известно, роман “The Real Life of Sebastian Knight” был написан Набоковым вскоре после его кратковременной любовной связи с Ириной Гуаданини. В изображении Клэр как

⁸ Ср. в самом начале романа М. А. Булгакова «Белая гвардия»: «Мама, светлая королева, где же ты?» (Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1992. Т. 1. С. 179).

преданной спутницы писателя Себастьяна Найта давно замечено немало деталей из супружеской жизни Набокова с Верой Слоним (см. об этом, напр.: [Бойд: 574, 580–581], [Шифф: 7–23]).

Между тем исследователи не обратили внимания на то, что фамилия жены Набокова «Слоним» представляет собой криптоним английской фамилии Клэр «**Bishop**». То, что он так долго оставался неразгадан, объясняется очень просто. Никому не приходило в голову связать эту фамилию с семейными обстоятельствами, в которых Набоков создавал этот роман. Впрочем, сама жена писателя, скорее всего, его разгадала.

Тем более что, как обычно, перепечатывала роман и не могла не обратить внимания на строки о том, как «жизнь Клэр четырнадцать лет тому назад обратилась для нее "в белые листы, заползавшие в каретку, чтобы выкатиться наружу сплошь в черных и лиловых буквах"». Вводя эти лиловые слова, Набоков наделяет Клэр увлеченностью Донном, любимым поэтом своей жены» [Шифф: 135].

Сам Набоков на это очень рассчитывал. Образ Клэр Бишоп и написан так, чтобы показать Вере Слоним, как много она для него значит. В этом смысле он стал логическим продолжением образа Зины Мерц в «Даре», в котором достаточно очевидным образом изображена жена Набокова.

Более того, «Дар» создавался на протяжении всего увлечения Набокова Ириной Гуаданини и почти вплоть до окончательного разрыва с ней в письме от февраля 1938 г. В этом своем романе он «как бы напоминает себе о сути своего брака»: «Набоковский портрет художника завершается эмоциональным крещендо — утверждением разливающегося счастья, — которое, как оказалось, полностью совпало с обновленным погружением в супружескую жизнь» [Шифф: 128].

Соответственно, в Нине Туровец-Речной-Лесерф в этом случае можно видеть какое-то преломление личности Ирины Гуаданини. Вот только вопрос — какое? Судя по всему, недавняя возлюбленная Набокова представлена в «Подлинной жизни...» в значительной степени в кривом зеркале пародии. Цель

этой пародии, по-видимому, — уверить жену Набокова Веру Слоним в несерьезности его увлечения⁹.

Более светлое преломление эти отношения, как известно, получили в написанном в том же году рассказе «Весна в Фиальте» (1938). Впрочем, и в нем облик героини снижен неоднократным упоминанием о «ее быстрых связях». А о ее близости с героем-рассказчиком не раз предусмотрительно сказано: «Вновь и вновь она впопыхах появлялась на полях моей жизни, совершенно не влияя на основной текст», «никакого внутреннего разрыва чувств я не испытывал, ни тени трагедии нам не сопутствовало, моя супружеская жизнь оставалась неприкосновенной...»¹⁰.

С Ниной Туровец-Речной¹¹-Лесерф ее роднит при этом имя («Нина»), замужнее положение (не за одним, а даже за двумя мужьями поочередно, что более чем естественно в романе по сравнению с рассказом), ветреность, живость, непоседливость, отчасти внешность («маленькая узкоплечая женщина»¹², «она оказалась маленькой, хрупкой» (*Набоков*: 146)).

Правда, сама Ирина Гуаданини была в недавнем разводе со своим мужем, а волосы у нее, в отличие от героини «Подлинной жизни...», были светлые. Зато, как и у мадам Лесерф, у нее была репутация обольстительницы. Марк Алданов даже называл ее «*femme fatale*» [Шифф: 120]. Ср. адресованную В. реплику мадам Лесерф якобы о своей подруге, а в действительности о себе самой:

«— Вы хотите сказать, — спросила мадам Лесерф, — что она кажется вам страшной, опасной женщиной? **Une femme fatale?** Потому что она, знаете ли, совсем не такая. Она — чистое золото» (*Набоков*: 156).

⁹ Создавая эту пародию на свою недавнюю любовь, внутренне Набоков мог оправдывать себя только тем, что в стремлении склонить его к разрыву с женой Ирина проявила чрезмерную настойчивость (см. об этом: [Шифф: 135]).

¹⁰ Набоков В. Весна в Фиальте. С. 316–317.

¹¹ Прозрачная чеховская интертекстуальность, заданная именем героини «Нина Речная», также подключает план влюбленности в известного писателя со стороны поклонницы его творчества, воплощенный в образах Нины Заречной и Тригорина. Что в случае с самим Набоковым и Ириной Гуаданини также автобиографично и также направлено на снижение образа своей недавней возлюбленной и на самооправдание.

¹² Набоков В. Весна в Фиальте. С. 315.

Таким образом, скрытая литературная стратегия, использованная Набоковым при создании этого романа, судя по всему, была направлена на то, чтобы уверить жену в непоколебимости их союза и в случайности его любовного увлечения Ириной Гуаданини. Недаром объекту мнимого любовного увлечения Себастьяна он дает рифмующееся с именем ее прототипа имя: «Нина». Всячески затушевывая серьезность увлечения Себастьяна Ниной Туровец-Речной, Набоков одновременно подчеркивает судьбоносность его отношений с Клэр Бишоп.

По этой же самой причине Клэр Бишоп соотнесена с Полиной из «Игрока» и Маргаритой Готье из «Дамы с камелиями», а Нина Речная-Туровец — с *m-lle Blanche* из «Игрока» и какой-нибудь Олимпией из «Дамы с камелиями». Стилизация героев “*The Real Life...*” под героев «Игрока», очевидно, входит в общую стратегию Набокова претворения этой криптографической темы в романе.

Учитывая, что жена Набокова знала о пережитом им любовном романе, и брак какое-то время подвергался серьезному испытанию, только в таком виде он и мог отразиться на страницах «Подлинной жизни...». Причем ни тогда, ни впоследствии писатель, разумеется, не мог расшифровать кому-либо эту шахматную криптографию романа, которая так сильно связана с перипетиями его семейной жизни.

В то же время не только читателя, но и отчасти самого себя Набоков убеждал, что его жена королева, а остальные женщины — не то чтобы никуда не годятся, но для него не могут представлять серьезного интереса. Так что этим романом он еще, кажется, и уговаривал сам себя, что сделал правильный выбор. Стало быть, в данном случае важна не только крипто-, но и психопоэтика романа¹³. В этом смысле роман имеет своей целью представить в качестве «подлинной жизни» самого автора то, что ни в коем случае таковым не являлось. Как известно, в действительности увлечение Набокова Ириной Гуаданини было довольно сильным.

Итак, написанный вскоре после серьезного увлечения писателя Ириной Гуаданини роман Набокова “*The Real Life of Sebastian Knight*” выстроен таким образом, чтобы показать: единственной

¹³ О психопоэтике см., напр.: [Эткинд].

настоящей любовью Себастьяна Найта была Клэр Бишоп, а мадам Лесерф (Нина Речная) была всего лишь эпизодом, который объясняется тем, что Себастьян был смертельно болен и порвал отношения с Клэр, чтобы не травмировать ее своей смертью. В унисон этому организована и шахматная тайнопись романа, в которой ферзь (мадам Лесерф) оказывается побежден слоном (Клэр Бишоп). Между тем фамилия героини романа “**Bishop**” аллюзивно отсылает к жене писателя Вере **Слоним**.

Список литературы

1. Барабтарло Г. Сочинение Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 457 с.
2. Бойд В. Владимир Набоков. Русские годы. СПб.: Симпозиум, 2010. 695 с.
3. Долинин А. Комментарии // Набоков В. Романы / пер. с англ. А. Горянина и М. Мейлаха. М.: Худож. лит., 1991. С. 295–425.
4. Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: Петрополис, 2013. 432 с.
5. Кибальник С. А. Роман В. В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» и «Игрок» Ф. М. Достоевского // Филологические науки. 2021. № 5. С. 101–108 [Электронный ресурс]. URL: <https://filolnauki.ru/ru/archive/1681/4235> (01.11.2022). DOI: 10.20339/PhS.5-21.101
6. Люксембург А. Комментарии // Набоков В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 1. С. 551–605.
7. Мейер П. Набоков и неопределенность. Случай «Истинной жизни Себастьяна Найта». Бостон; СПб.: БиблиоРоссика, 2020. 270 с.
8. Носик Б. Любовные и уголовные истории русского Парижа. М.: Радуга, 2004. 368 с. (Сер.: Сквозь призму времени.)
9. Шифф С. Вера: Миссис Владимир Набоков. М.: Независимая газета, 2002. 457 с.
10. Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: очерки психопозетики русской литературы XVIII–XIX вв. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1998. 446 с. (Сер.: Язык. Семиотика. Культура.)

References

1. Barabtarlo G. *Sochinenie Nabokova* [*The Writing of Nabokov*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2011. 457 p. (In Russ.)
2. Boyd V. *Vladimir Nabokov. Russkie gody* [*Vladimir Nabokov: the Russian Years*]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2010. 695 p. (In Russ.)
3. Dolinin A. Comments. In: *Nabokov V. Romany* [*Nabokov V. Novels*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991, pp. 295–425. (In Russ.)

4. Kibal'nik S. A. *Problemy intertekstual'noy poetiki Dostoevskogo* [*The Problems of the Intertextual Poetics of Dostoevsky*]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2013. 432 p. (In Russ.)
5. Kibal'nik S. A. V. V. Nabokov's Novel "The Real Life of Sebastian Knight" and "The Gambler" by F. M. Dostoevsky. In: *Filologicheskie nauki* [*Philological Sciences*], 2021, no. 5, pp. 101–108. Available at: <https://filolnauki.ru/ru/archive/1681/4235> (accessed on November 1, 2022). DOI: 10.20339/PhS.5-21.101 (In Russ.)
6. Lyukseburg A. Comments. In: *Nabokov V. Sbranie sochineniy amerikanskogo perioda: v 5 tomakh* [*Nabokov V. Collected Works of the American Period: in 5 Vols*]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2004, vol. 1, pp. 551–605. (In Russ.)
7. Meyer P. *Nabokov i neopredelennost'. Sluchay "Istinnoy zhizni Sebast'yana Nayta"* [*Nabokov and Indeterminacy. The Case of The Real Life of Sebastian Knight*]. St. Petersburg, BiblioRossika Publ., 2020. 270 p. (In Russ.)
8. Nosik B. *Lyubovnye i ugovnyye istorii russkogo Parizha* [*The Love and Criminal Stories of Russian Paris*]. Moscow, Raduga Publ., 2004. 368 p. (Ser.: Through the Prism of Time.) (In Russ.)
9. Shiff S. *Vera: Missis Vladimir Nabokov* [*Vera: Mrs Vladimir Nabokov*]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 2002. 457 p. (In Russ.)
10. Etkind E. G. "Vnutrenniy chelovek" i vneshnyaya rech': ocherki psikhopoetiki russkoy literatury XVIII–XIX vv. [*"The Internal Man" and External Speech: Essays on Psychopoetics of Russian Literature of the 18th–19th Centuries*]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998. 446 p. (Ser.: Language. Semiotics. Culture.) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кибальник Сергей Акимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>; e-mail: kibalnik007@mail.ru.

Sergey A. Kibalnik, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>; e-mail: kibalnik007@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.11.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.01.2023

Принята к публикации / Accepted 20.01.2023

Дата публикации / Date of publication 14.02.2023